КУЛЬТУРА ТРИ

КАК ОСТАНОВИТЬ МАЯТНИК?

ВЛАДИМИР ПАПЕРНЫЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новое эссе Владимира Паперного, автора ключевой не только для архитектуры и урбанистики, но и вообще для исследований отечественной культуры концепции «Культуры-2», представляет собой попытку рефлексии над заложенным в неё принципом цикличности. Непременно ли на каждом витке развития за «Культурой-1» должна следовать «Культура-2»? Можно ли разорвать круг отечественной истории – в том числе, разумеется, истории культуры – и спрямить его в линейную последовательность?

- Владимир Паперный
- Миф о вечном возвращении сталинизма
- Культура три
- Культурологические теории
-
- Итоги
- Об авторе
- О «Стрелке»
-

Владимир Паперный
Культура три. Как остановить маятник?

Миф о вечном возвращении сталинизма

В 1954 году мы с родителями поехали осматривать только что открывшуюся кольцевую линию метро. Стоя на эскалаторе, отец тихо сказал матери, показывая на вертикальные светильники, увенчанные бронзовыми коронами: «Полным ходом движемся к монархии». Мама зашептала, испуганно оглядываясь по сторонам: «Тише, тише».

Лингвист Вячеслав Иванов считает, что Сталин собирался провозгласить себя императором, но не успел. Так ли это было на самом деле, никто, видимо, никогда не узнает, но последовательное восстановление атрибутов Российской империи действительно началось уже в конце 1920-х годов и достигло своего пика к моменту смерти Сталина. Я подробно описал этот процесс в своей книге «Культура Два». Повторю кратко.

Речь шла о циклических чередованиях в российской истории двух культурных механизмов, которые я назвал «культура 1» и «культура 2» (я воспользовался цифрами, чтобы подчеркнуть безоценочность этих категорий). Культура 1 ориентирована в будущее, прошлое сбрасывается, как писали футуристы, с «парохода современности». Эта культура находится в состоянии растекания, она, как сказал Малевич, «строит творчество, сжигая за собой свой путь». Она ориентирована на движение, на горизонтальность, на разрушение границ и иерархии. Российские архитекторы этого времени ощущают себя частью интернационального движения.

Культура 2 имеет противоположные свойства: она находится в состоянии застывания. Взгляд обращен в прошлое, возникает интерес к истории. Культура 2 ориентирована на неподвижность, неизменность и иерархию. Всюду (и в политике, и в архитектуре) проводятся границы. Вход (как место пересечения границы) становится важным элементом архитектуры. Государственная граница превращается в границу между Добром и Злом. Главным примером для подражания постепенно становится русская архитектура.

Друзья много раз мне говорили:

– Ну хорошо, мы готовы тебе поверить, что вся российская история – это чередование культур 1 и 2. Так что же, нам теперь так и крутиться на месте, как белка в колесе? Должна же, наконец, возникнуть какая-нибудь культура 3?

Григорий Ревзин, который сначала доброжелательно

относился к моей книге, после выхода второго издания упрекнул меня в том, что я создаю «миф о вечном возвращении сталинизма». Функция автора этой книги, писал он в 2006 году, «заключается в том, чтобы с позиций постороннего описывать происходящее. Сам он никакой ответственности за процесс не несет. Проблема, пожалуй, только в одном. Если нет ответственности, то нет и любви, и вообще никакой включенности в происходящее. А это все ж таки родная страна. Ну хорошо, вот в ней наступает „культура два“. И чего делать?».

Вообще говоря, требование любви и активного участия – само по себе убедительное доказательство возвращения культуры 2. В 1948 году секретарь правления союза архитекторов Каро Алабян тоже упрекал коллег: «Они похожи, некоторые из них, на тех болельщиков, которые смотрят, как состязаются две команды: или сочувствуют одной команде, или другой, а сами никакого активного участия в борьбе не принимают». А год спустя секретарь правления союза писателей Анатолий Софронов добавит, что дело не только в том, *что именно* сказано, надо еще слышать, *с какой интонацией* ведется критика. Софронов, правда, упрекает критиков не в недостатке любви, а в недостатке ненависти, но это, в сущности, одно и то же.

Тот факт, что какие-то элементы сталинской культуры сейчас возвращаются, очевиден. Вот несколько примеров.

Иерархия . Лозунги из Манифеста Летучей федерации футуристов – «Долой дипломы, звания, официальные посты и чины <…> Разделим все студии, помещения художественных школ и академий поровну между всеми направлениями» – стали последовательно осуществляться между 1918 и 1932 годами. 12 декабря 1917 года был принят декрет «Об уничтожении сословий и гражданских чинов», в котором было сказано: «Все существовавшие доныне в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр. титулы – княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и пр. советники) уничтожаются, и устанавливается одно общее для всего населения России наименование – граждан Российской Республики».

Архитекторы в это время увлечены идеей разрушения города. «Глубочайший нарыв буржуазной цивилизации, – гласит составленная в 1921 году записка архитектурной секции ИЗО Главполитпросвета, – мировой город, которому миллионы людей посылают проклятия, – впервые будет снят архитектурным

творчеством социалистического государства».

В стремлении к равенству и равномерности некоторые идут еще дальше, требуя «уничтожить общественное разделение труда между предпринимателем и наемным рабочим, между мужчиной и женщиной и между отдельными странами». Высшей точкой идеи «выравнивания» можно считать одинаковые передвижные жилые ячейки, которые можно перевозить в любую точку планеты. Идея была впервые высказана Велимиром Хлебниковым в 1907 году, в 1928-м доведена до уровня проекта студентом ВХУТЕИНа Г.Т. Крутиковым, а в 1930-м – М.А. Охитовичем и его коллегами по дезурбанизму.

Процесс уничтожения сословий и чинов, включая воинские звания, продолжался до конца 1920-х, после чего все вдруг покатилось в обратную сторону. Появились звания «Герой труда» (1927), «Герой Советского Союза» (1934), «Мастер спорта» (1934), возобновились воинские звания «майор», «полковник» и «маршал» (1935), «генерал» (1940), появляются звания «заслуженный работник НКВД» (1940), «лауреат Сталинской премии» (1941) и другие.

Для советского человека 1920-х слова «полковник» и «генерал» ассоциировались с Белой армией, то есть с врагом. Но если страна не выразила никакого недоумения по поводу возрождения чинов не только царской и Белой армий, но даже Священной Римской империи (генералиссимус, 1945), то ясно, что провозглашение Сталина «императором Советского Союза» тоже прошло бы без эксцессов – короны на светильниках эскалаторов уже были готовы.

Начиная с 1930-х годов радикально меняются и требования к архитектуре: она теперь должна быть «красивой» и «богатой». Конструктивистские здания украшаются колоннами, портиками и карнизами. Бывшие конструктивисты или полностью исключены из профессиональной жизни, или заняты строительством санаториев для новой советской элиты. Проводятся конкурсы на проекты дач.

Нечто похожее на «срывание эполет» и отказ от привилегий в эпоху ранней советской власти происходило и в 1980–1990-х. Таковы, например, поездки Ельцина в троллейбусе, его визиты в магазины, борьба со спецполиклиниками и спецраспределителями. Было ли это спектаклем или искренним движением души, не так уж важно. Ельцин чувствовал, куда дует ветер – а он в тот момент дул в сторону разрушения иерархии, – и вел себя соответственно.

Спустя примерно 22 года процесс опять пошел в обратную сторону. Возникновение новой аристократии началось почти

сразу после перестройки, но только сейчас, считает социолог Ольга Крыштановская, «у нее появилась возможность трансформироваться в наследственную аристократию». Частные дома для новой аристократии становятся едва ли не главной темой российских архитектурных журналов.

Граница . Важный элемент сталинской эпохи – непроницаемость государственных границ. Напомним, что начиная с 1934 года несанкционированный переход границы карался смертью. Однако герметичная граница дала течь уже в эпоху «оттепели» и стала окончательно проницаемой в ходе перестройки. Самый первый указ президента Ельцина (1991) требовал «направлять ежегодно за рубеж для обучения, стажировки, повышения квалификации не менее 10 тысяч учащихся, аспирантов, преподавателей и научно-педагогических работников».

Сегодня государственные границы остаются открытыми, однако новый виток ксенофобской «бдительности» и шпиономании уже запечатлелся в формуле «шакалить у иностранных посольств» и в принятии поправок к закону «О некоммерческих организациях», согласно которым множеству правозащитных и гражданских организаций должен быть присвоен статус «иностранный агент».

В архитектуре наблюдаются похожие тенденции. С одной стороны, почти одновременно с открытием границ в Россию начали приглашать знаменитых иностранных архитекторов, в том числе таких звезд, как Норман Фостер, Массимилиано Фуксас, Даниэль Либескинд, Рэм Колхас, Жан Нувель, Эрик ван Эгераат, Заха Хадид и другие. В какой-то момент были даже утверждены четыре московских проекта Нормана Фостера: «Хрустальный остров» – стеклянный шатер высотой 450 метров, башня «Россия» – самое высокое здание в Европе, реконструкция Музея изобразительных искусств им. Пушкина и гостиница «Зарядье» на месте бывшей «России».

С другой стороны, в это же время заявляет о себе и ксенофобия. Характерна реакция петербургского архитектора Никиты Явейна на проект Мариинского театра, разработанный калифорнийцем Эриком Оуэном Моссом: «Я вижу определенный героизм архитектуры и архитекторов в том, что у нас не было таких моссов или – что таким моссам мы били по голове. Надеюсь, и будем бить…» В результате из всех сенсационных публичных западных проектов только один достиг фазы строительства – реконструированный павильон «Времена года» Рема Колхаса в парке Горького.

Цезарепапизм . Еще один принцип «культуры 2» был в

значительной степени разрушен в период перестройки – сращивание тоталитарной идеологии с государственным управлением. Иван Грозный и Петр I начали создавать эту систему, Сталин продолжил строительство «цезарепапизма», сосредоточив в своих руках и руководство партией, и управление государством.

Ельцин разрушил эту связь. Президентский указ (1991) о роспуске КПСС начинался словами: «События 19–21 августа высветили со всей очевидностью тот факт, что КПСС никогда не была партией. Это был особый механизм формирования и реализации политической власти путем сращивания с государственными структурами или их прямым подчинением КПСС».

Сегодня вновь происходит слияние идеологии и государственной власти. Об этом свидетельствуют, во-первых, альянс президента с патриархом (несмотря на кажущиеся или реальные конфликты), а во-вторых – наличие обладающей конституционным большинством в парламенте «партии власти», председатель которой (Дмитрий Медведев) по существу назначается президентом (Владимиром Путиным). Если в советское время для успешной карьеры почти необходимо было быть членом КПСС и посещать партсобрания, то в наши дни карьерному аппаратчику, возможно, скоро придется не только быть членом «Единой России», но и регулярно ходить в церковь.

Восстановление храма Христа Спасителя, законченное в 2000 году, ознаменовало начало процесса нового слияния церкви и власти (на тот момент еще только московской). Суд над Pussy Riot наглядно демонстрирует завершение этого процесса. Политический перформанс в главном православном соборе России судит *государственная* власть за нарушение *церковных* правил и оскорбление чувств верующих.

Культура три

Продолжать сопоставления можно бесконечно, но стоит задуматься, каким мог бы быть выход из этой карусели. Был момент, когда я решил прислушаться к голосу критиков и задать себе вопрос: если русская культура не исчерпывается чередованием культур 1 и 2, как я сам утверждал, то какой могла бы быть культура 3?

Я начал рассуждать так. Из культурной антропологии (в частности, из работ В.В. Иванова) известно, что бинарные структуры являются более архаичными, чем трехчастные. Поэтому усложнение концепции, движение от двухчастной модели к трехчастной соответствует общей логике истории культуры. Следуя марксистско-гегелевской традиции, культуры 1, 2 и 3 можно рассматривать в терминах тезис – антитезис – синтез.

Каковы главные достижения 74 лет советской цивилизации? Коллективизация и индустриализация, если судить по сегодняшнему состоянию экономики, полностью провалились. Успешных государственных программ в активе СССР не так много: всеобщая грамотность, физическая и математические научные школы [1] , ракетное вооружение и освоение космоса. Практически все эти достижения имеют отношение к войне. Ракеты и космос, помимо войны, связаны с так называемым «русским космизмом»: создатель советских ракет и всей космической программы Сергей Королев находился под влиянием «Философии общего дела» Николая Федорова.

В круг философов «русского космизма» – круга идей, возникшего в том числе и под влиянием трудов Николая Федорова, – иногда включают таких разных мыслителей как П.А. Флоренский и В.С. Соловьев, Н.А. Бердяев и С.Н. Булгаков, В.И. Вернадский, К.Э. Циолковский, А.Л. Чижевский и другие. В упрощенном виде идеи Федорова можно изложить так. Человечество занято враждой и взаимным истреблением вместо того, чтобы осознать наличие двух своих главных врагов: природы и смерти. Разум есть самосознание природы, поэтому, объединившись против враждебной природы, люди смогут превратить ее из врага в союзника.

Победа над смертью, учил Федоров, – более сложная задача, но даже если эта задача неразрешима или разрешима в бесконечно далеком будущем, она необходима для объединения людей вокруг «общего дела». Развитие науки и техники, если оно не посвящено духовной цели, остается бесцельным упражнением.

Если человечество поставит себе целью не только преодолеть смерть, но и возродить к жизни всех умерших людей, то тем самым будет исполнено христианское чаяние о «грядущем телесном воскресении». Идея освоения космоса была лишь побочной темой философии Федорова: когда человечество преодолеет смерть, лишь в космосе найдется место для размещения всех воскрешенных людей.

В философии Федорова есть элементы, которые многим сегодняшним читателям покажутся совершенно дикими, – проповедь самодержавия, идея победы над половым инстинктом, влияние целомудрия на земледелие [2] и т. п. Тем не менее некоторые идеи Федорова оказались пророческими. Главная из них – мысль, что природа должна из врага человечества стать его союзником, а для этого все люди должны быть объединены «общим делом», – лежит в основе всех современных экологических теорий.

Может быть, именно идея некоего «общего дела» могла бы стать основой гипотетической российской культуры 3? А учитывая, что именно русский религиозный философ первым начал формулировать современную экологическую проблематику, может быть именно создание экологически ответственной цивилизации и должно быть тем делом, в котором России предстоит стать мировым лидером? Тем более что у России был период, когда она была включена в мировую повестку в качестве если не лидера, то, по крайней мере, одного из важнейших участников.

Я имею в виду русский авангард 1910–1920-х годов. У этого движения существовала глубокая связь с русским космизмом. Можно даже сказать, что оно было его прямым наследником. Некоторые идеи Эль Лисицкого прямо перекликаются с текстами Федорова, а некоторые утопические предложения Циолковского реализованы в уже упоминавшемся дипломном проекте Георгия Крутикова (1928).

Может быть, если нам удастся пересмотреть свое циничное отношение к экологической проблематике и негативное – к русскому авангарду, то у России появится возможность снова занять лидирующую позицию в мировой повестке дня?

Культурологические теории

Честно говоря, эта экологически-авангардная культура 3 кажется мне сейчас утопией. Убедительного ответа на вопрос, заданный в подзаголовке этого эссе, у меня сегодня нет. И я решил посмотреть, какие модели, созданные историками, писателями, социологами, журналистами, экономистами и философами, применимы к современной российской ситуации. Их краткий обзор даст нам по крайней мере несколько ответов, из которых можно выбирать.

Авторов всех теорий прошлого и будущего России можно грубо разделить на две группы: «самобытники» и «западники». Самобытников, в свою очередь, я бы разделил на «положительных» и «отрицательных». Положительные самобытники – это те, кто, веря в уникальность российской культуры, считает, что именно Россия должна указать путь Западу. Они призывают Россию, говоря словами А.С. Хомякова, «стать впереди всемирного просвещения». «Отрицательные» самобытники тоже верят в уникальность российской культуры, но считают Россию жестокой, бесчеловечной и при этом неисправимой.

Западников тоже можно разделить на две группы. И та и другая группа считают Запад моделью, которую Россия должна взять за образец. Но те, кого я бы назвал «потом-западниками», рассматривают Россию как одну из стран третьего мира, вроде Индии или Пакистана: у нее есть возможность стать «цивилизованной», но путь к цивилизации будет долог и труден. Те же, кого хочется назвать «уже-западниками», концентрируются на тех периодах российской истории, когда страна демонстрировала либеральное развитие (Древний Новгород, эпохи Ивана III, Александра II). Эпохи же с противоположным вектором развития они считают отклонением или «откатом». Для них Россия – это «испорченная» Европа, которую можно «починить».

Вот имена, о которых мне сегодня хотелось бы поговорить. Список выглядит случайным, его участники сильно различаются и по профессиям, и по степени известности, и по уровню влияния на культуру. Но это имена, которые мне интересны в данный момент: 1) Алексей Кара-Мурза, 2) Максим Кантор, 3) Карл Поппер, 4) Владимир Лефевр, 5) Айн Рэнд, 6) Дуглас Норт, 7) Александр Янов.

1. Алексей Кара-Мурза – философ, политолог и историк. Родился в Москве, окончил Институт стран Азии и Африки МГУ.

Доктор философских наук. Академик Российской академии гуманитарных наук. В своей статье «Между Евразией и Азиопой» он анализирует «цивилизационный» и «стадиальный» подходы к пониманию прошлого и будущего России: «Самобытничество, как известно, настаивает на теме принципиальной цивилизационной особости России, а стало быть, попытки подражательства инокультурным образцам (в первую очередь западным) приводят лишь к искажению, опошлению и деградации культурно-цивилизационной сущности России. Западническое же мышление явно предпочитает вести разговор в стадиальной („формационной“) логике, подчеркивая „недоразвитость“ (с элементами патологии) России на пути поступательного развития некоей универсальной цивилизации».

Проанализировав большое количество текстов как самобытников, так и западников (от авторов XIX века до наших современников), Кара-Мурза проходит к выводу, что лучшие представители обоих направлений отвергали экстремизм и настаивали на необходимости синтеза. Автор приводит слова С.Л. Франка о Пушкине, у которого Франк видит «сочетание „европеизма“, резкого отталкивания от культурной отсталости России, с напряженным чувством любви к родине и национальной гордостью». Кара-Мурза считает, что, «лишенная национального своеобразия, Россия как раз и не попадет „в Европу“, а, напротив, лишится своего законного места в европейской культуре, ибо станет для этой Европы неинтересной и ненужной».

Но у такого синтеза есть опасность взять худшее у каждой стороны и породить монстра – Азиопу, по слову П.Н. Милюкова. Этот монстр, по формуле А.И. Герцена, которого цитирует Кара-Мурза, будет сочетать бесчеловечность «подлой фигуры немецкого бюралиста» со «звериной безраскаянной жестокостью восточного раба и византийского евнуха».

Выход из «кармического круга» противостояния хаоса и деспотизма, считает автор, возможен: «Эта возможность связана с *опознанием „Азиопы“ как общего врага* и реформаторами-западниками, и теми неопочвенниками, которые озабочены сохранением и развитием русского цивилизационного генотипа; с демифологизацией на этой основе взаимных упреков в „варварстве“; с рациональным социологическим определением всей совокупности субъектных форм „нового варварства“ и их последующей маргинализацией совместными усилиями гражданского общества на периферию социальной жизни».

Можно согласиться с культурологом-эмигрантом Владимиром Вейдле, которого также цитирует Кара-Мурза: «Безоговорочное и непримиримое противопоставление России

Западу, Запада России есть ядро идейного комплекса, любопытного прежде всего тем, что его создали и дружно развивали ни в чем другом не согласные между собой умы: исключительные приверженцы всего русского в России и фанатические поклонники Запада на Западе». И те и другие, считает Вейдле, в равной степени поражены одним и тем же болезненным ощущением – «стремятся возвеличить „свое“ путем умаления „чужого“, не понимая относительности различия между своим и чужим».

История русской архитектуры еще раз показывает проблематичность различения своего и чужого. Русские церкви XII века – это русская или византийская архитектура? Московский кремль это русская или итальянская архитектура? Русский авангард 1910–1920-х – это местное или интернациональное явление? Наконец, ресторан-павильон «Времена года» Рема Колхаса – это советский или голландский модернизм?

2. Максим Кантор, художник и писатель, родился в Москве, окончил Московский полиграфический институт. Его роман «Учебник рисования» (2003) вошел в список финалистов премии «Большая книга» (2006) и в длинный список премии «Русский Букер» (2006). Насколько мне известно, у Кантора нет последовательно изложенной теории российской культуры, но ее можно попытаться реконструировать на основе его статей и комментариев в блогах.

Значительная часть текстов Кантора, начиная с его романа, относится к жанру политической сатиры [3] . Местами обличительная интонация по степени интенсивности сравнима с речениями библейских пророков. Одним из постоянных объектов его критики является либерализм. Кантор выступал против «открытого общества» Карла Поппера (о нем ниже), который «уравнял и сплющил различные социальные и философские концепции. Стараниями Поппера возникла черно-белая картина истории, которая имеет все свойства апофатической истины: если сказать, что благо и свобода не раскрываются через противостояние тоталитаризма открытому обществу, то неизбежно будешь обвинен в тоталитаризме, подтверждая теорию черно-белого. Так было внедрено примитивное, но действенное идеологическое оружие – каменный топор либеральной философии».

Позитивную программу Кантор излагает реже, и она содержит очевидные противоречия. С одной стороны, он отрицательный самобытник: «Россия не будет Италией. Никогда не будет. И Францией никогда не будет тоже. И Англией. У России история и культура совсем другие. Не европейская. Надо

быть не просто невеждой и авантюристом, но надо быть еще и обманщиком, чтобы уверять несведущих людей в обратном. Были такие лозунги у партии правых: „Хочешь жить как в Европе – голосуй за правых!“ – словно от этого голосования в Москва-реке устрицы заведутся и климат в Поволжье поменяется, – и ведь шли, голосовали. Это было бессовестным трюком. Нет, Россия – совсем не Европа. Это навсегда так устроилось. С этим надо жить».

С другой стороны, с этим *не* надо жить. Для решения российских проблем Кантор предлагает, по существу, классический западный социализм: «Сделать образование и медицину бесплатными, радикально и сразу». Но этого мало, надо еще «все неправедно нажитые особняки (таковых сотни тысяч) отдать под детские сады, ясли, странноприимные дома». Кто и какими методами будет отбирать у владельцев сотни тысяч особняков, автор не объясняет. Ясно, что это может сделать только какая-то «чрезвычайная комиссия». Складывается впечатление, что вместо каменного топора либеральной философии здесь предлагается большевистский «революционный жилищный передел» образца 1918 года.

3. Сэр Карл Раймунд Поппер родился в Вене, учился в Венском университете. В молодости был марксистом, позднее его взгляды сместились в сторону либерализма. В 1937 году, спасаясь от нацизма, переехал в Новую Зеландию, где преподавал до 1945 года. С 1945 года гражданин Великобритании. В 1964 году посвящен в рыцари. Самая известная из его книг – «Открытое общество и его враги» – была написана в 1945 году.

Главная идея книги состоит в борьбе с историцизмом (не путать с историзмом), то есть с теориями развития общества, основанными на анализе истории. Доказательством ошибочности этого подхода Поппер считает прогностическую несостоятельность теорий Гегеля, Маркса, Шпенглера и других. Его собственная историософская модель состоит из двух элементов: «открытого» и «закрытого» обществ, последнее он предпочитает называть «обществом врагов открытого общества». В число этих врагов входят Платон, Сталин, Гитлер и многие другие.

«Наша цивилизация, – пишет Поппер в предисловии, – еще не полностью оправилась от шока, вызванного ее рождением, – переходом от племенного или „закрытого общества“ с его подчиненностью магическим силам к „открытому обществу“, освобождающему критические способности человека». Для традиционного закрытого общества, продолжает он, характерен трибализм, т. е. «утверждение наивысшего значения племени, без

которого индивид ничего из себя не представляет, является элементом, который мы встретим во многих формах историцистских теорий. Другие формы, которые уже не являются трибалистскими, сохраняют присущий ему элемент коллективизма: все они настаивают на исключительном значении некоторой группы или коллектива, например класса, без которых индивид – ничто».

В предисловии к русскому изданию 1992 года Поппер дает рекомендации для России: «Мне кажется очевидным, что в данном случае кратчайший (хотя, конечно, не вполне совершенный) путь – это заимствование Россией одной из утвердившихся на Западе правовых систем. То, что такой путь в принципе возможен, показала Япония, которая в 1873 г. восприняла германскую правовую систему, осознав, что та необходима для осуществления планов индустриализации страны по европейскому образцу».

Более конкретная рекомендация касается независимости суда: «Наиболее важны работники судебных органов, особенно судьи и частные адвокаты. (Последние должны быть по-настоящему частными – это единственная гарантия, что они будут служить Закону, а не только интересам находящегося у власти правительства.) Для того чтобы вершить правосудие, требуется, кроме того, множество других государственных служащих. Все они должны быть воспитаны в духе служения объективной истине, интересам опирающегося на закон правосудия – и ничему более. В мирное время им непозволительно руководствоваться никакими «высшими» интересами, никакими интересами государства. Воспитание таких людей – большая задача, решение которой займет у вас годы».

Из этого краткого пересказа видно, что Поппер относится к тем, кого я назвал «потом-западниками». Хотя он прямо об этом не говорит, ясно, что Россия для него – это страна третьего мира, у которой есть шанс войти в семью «цивилизованных» народов, лишь повторив путь Японии, то есть позаимствовав западную правовую систему для модернизации страны по европейскому образцу.

В России XX века эта идея, как мы уже отмечали выше, набирала популярность трижды: в 1920-х годах, затем во время «оттепели» и во время перестройки. В области архитектуры и дизайна последствия этого каждый раз были другими.

В 1920-х желание приблизиться к Европе, научиться у нее, привели к возникновению русского авангарда, у которого сегодня учатся практически все студенты западных факультетов

архитектуры и дизайна. В 1960-х западные ценности во многих случаях были поняты и позаимствованы поверхностно – будь то одежда (Василий Аксенов), промышленный дизайн (Юрий Соловьев) или фантазии на тему города будущего (архитектурная группа НЭР – «Новый элемент расселения»).

Наконец, в 1990-х желание быстро догнать Запад часто выражалось в копировании худших образцов архитектуры постмодернизма, который на Западе к тому моменту уже фактически перестал существовать.

4. Теории Владимира Лефевра имеют некоторое отношение к Попперу, тем более что Поппер написал предисловие к одной из книг Лефевра и был соавтором другой. Владимир Лефевр родился в Ленинграде, окончил механико-математический факультет МГУ, участвовал в работе Московского методологического кружка (с Г.П. Щедровицким), с 1974 года живет и работает в США. Книга «Алгебра совести» была написана по-английски и вышла в 1982 году. Русский перевод вышел 21 год спустя. Книга написана математиком, она содержит большое количество формул, которые я разобрать не в состоянии. Тем не менее, пропуская формулы, основную идею книги можно понять.

«Мы можем различить две этические философии, – пишет Лефевр. – Одна основывается на принципе „компромисс между добром и злом есть зло“. Вторая – на принципе „компромисс между добром и злом есть добро“ <…> первая этическая система реализована в западной культуре, а вторая – в культуре Советского Союза. Таким образом, различие между западным и советским обществом более глубоко, чем обычно полагают».

Для иллюстрации Лефевр проводит такую схему. Представим себе игрушечный замок, где живет бумажный человечек. Появляется дракон, который дышит пламенем и готов сжечь замок. Бумажный человечек открывает ворота и идет навстречу дракону, протягивая ему руку дружбы. Дракон выдыхает струю пламени – и человечек превращается в горстку пепла. Дракон подходит к другому замку, где живет другой бумажный человечек. Этот человечек поступает иначе. Он выходит из замка с маленькой шпагой и вступает в безнадежный бой. Дракон изрыгает пламя – и человечек гибнет, как и первый. Человечек, протянувший дракону руку дружбы, рассматривается его согражданами как герой, но жителями второго замка – как трус, не посмевший взять в руки оружие. Зато герой второго замка, вышедший со шпагой, воспринимается в первом замке как слабак, у которого не хватило силы духа выйти без оружия и вступить в переговоры.

Теория Лефевра построена на различении двух видов

компромисса – их можно было бы назвать внешним и внутренним [4] . Внешний – это компромисс в ситуации конфронтации: скажем, бумажный человечек, протягивающий руку дружбы дракону. Внутренний – это компромисс между добром и злом, например идея, что цель оправдывает средства. Лефевр доказывает (с помощью булевой алгебры в частности), что во «второй» этической системе, там, где возможен внутренний компромисс («цель оправдывает средства»), внешний компромисс («рука дружбы») рассматривается как поражение. В «первой» системе все ровно наоборот.

Теория Лефевра, строго говоря, не содержит рекомендаций, это аналитический инструмент, который удобен для описания политических ситуаций. Так, например, «перезагрузка» отношений с Россией, которую пытался провести Обама (внешний компромисс) была радостно воспринята большинством европейцев и американскими левыми. Но Митт Ромни в своей избирательной кампании настаивал, что это признак слабости действующего президента. Так же ее воспринимают и большинство российских оппозиционеров; победа Ромни для них была предпочтительна: придет наконец бескомпромиссный герой с большой дубиной и накажет наших «драконов». Это позиция второй этической системы, поскольку она одновременно и против *внешнего* компромисса, и за *внутренний* компромисс: цель (демократизация) оправдывает средства (дубину).

Если бы первая и вторая этические системы действительно распределялись строго географически, как полагал Лефевр (в Америке вторая, в России первая), то создателя этой теории можно было бы отнести к отрицательным самобытникам. Но мне кажется, что элементы обеих систем можно обнаружить и в той, и в другой стране (что никак не умаляет достоинств теории), тогда Лефевра скорее следует признать «уже-западником».

Дополнительным доказательством того, что первая и вторая этические системы *не* распределяются географически, может служить Карибский кризис 1962 года. Одна из причин, которыми объясняют снятие Хрущева два года спустя, – его согласие демонтировать установленные на Кубе советские ракеты. Фидель Кастро тоже расценил это решение как предательство. С другой стороны, реакция консервативных американцев на компромисс с Советским Союзом не сильно отличалась от советской и была полностью в русле второй этической системы. Ричард Никсон, например, заявил, что Кеннеди удалось «вырвать поражение из челюстей победы», а командующий ВВС США генерал Лемей назвал отказ от атаки Кубы «наихудшим поражением в нашей истории». Зато в некоторых диссидентских кругах СССР (как,

впрочем, и в среде американских либералов) компромиссное поведение Хрущева, наоборот, воспринималось как героическое.

Зато в борьбе с «украшательством» и «архитектурными излишествами» Хрущев был вполне бескомпромиссен. Полностью отвергнув художественное измерение архитектуры, сведя ее лишь к строительной деятельности, он, по существу, разделил идеи «производственной» части русского авангарда. Его конфликтность и непримиримость ярко проявилась и на встречах с художниками (1962) и писателями (1963).

5. Алиса Зиновьевна Розенбаум родилась в Петербурге вскоре после Кровавого воскресенья. В возрасте 12 лет с ужасом наблюдала большевистский переворот, конфискацию аптеки отца и разрушение привычной обеспеченной жизни. Окончила Петроградский университет и ленинградский фотокинотехникум. В 1926 году эмигрировала в США, где сменила имя на Айн Рэнд. Опубликовала несколько романов, успешно работала сценаристом в Голливуде, а впоследствии создала философскую систему под названием «объективизм».

Ее самое известное произведение называется «Атлант расправил плечи». Это бесконечно длинный (больше тысячи страниц) роман о борьбе группы промышленников-капиталистов, исповедующих эгоизм, с политиками и философами, ратующими за заботу о ближнем и социальную справедливость. Первые – хорошие, вторые – плохие.

«Клянусь своей жизнью и любовью к ней, что никогда не буду жить ради другого человека и никогда не попрошу и не заставлю другого человека жить ради меня» – эта надпись выбита в камне главным положительным героем, Джоном Галтом. Философия книги – своеобразный перевернутый марксизм: революция должна отнять у бедных и вернуть богатым награбленные сокровища.

Айн Рэнд не любила Россию. «Россия была слишком плоской, – вспоминала она, – слишком банальной, глупой, отсталой и сентиментальной». Бежать из России было ее мечтой с детства. Если бы ей сегодня пришлось давать рекомендации жителям России, она бы, скорее всего, посоветовала всем «умным, талантливым и энергичным людям» немедленно переехать в США (и голосовать за республиканцев). Судьба остальных ее бы не интересовала.

Кстати, однажды ей и в самом деле пришлось уговаривать советских граждан переехать в Штаты. Ее любимая младшая сестра, с которой она была разлучена на 47 лет, в 1973 году смогла приехать с мужем в Нью-Йорк. Алиса убеждала их остаться. Она предлагала купить им дом и предоставить

финансовую поддержку, но оба категорически отказались, сказав, что они советские патриоты и что Америка им не нравится. Алиса немедленно потеряла к ним всякий интерес и дождаться не могла, когда они уже уедут.

Свой идеал архитектуры Айн Рэнд увидела в творчестве Фрэнка Ллойда Райта. Это заставило многих критиков предположить, что в образе Рорка в романе «Источник» изображен Райт, но это категорически отрицали и автор, и сам Райт. Русская архитектура Рэнд не интересовала и была ей мало известна. Тем не менее многие высказывания Рорка прямо отсылают к русскому авангарду. Рорк отрицает историзм: «Я хочу быть архитектором, а не археологом. Не вижу смысла в проектировании вилл эпохи Ренессанса». Он, как и конструктивисты, отрицает художественное начало в архитектуре. «Вы достигли замечательных успехов в инженерных дисциплинах, – недоумевает его учитель, – почему вы игнорируете то, что можно назвать художественностью и вдохновением?»

Интересно, что Говард Рорк действует по принципам второй этической системы Лефевра. «Я не работаю с коллективами, – говорит он, – я не даю консультаций, я не сотрудничаю и не вступаю в соавторство». Вместо того чтобы внести изменения в свою постройку, как того требует заказчик, он взрывает ее динамитом.

6. В книге «В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности» лауреат Нобелевской премии по экономике Дуглас Норт, профессор Мэрилендского университета Джон Уоллис, экономист Всемирного банка Стивен Уэбб и профессор Стэнфордского университета Барри Уайнгаст предложили двухчастную модель социально-экономического развития, состоящую в переходе от порядка ограниченного доступа (ПОД) к порядку свободного доступа (ПСД). Может показаться, что эта модель повторяет попперовскую идею «открытого общества», поскольку порядок ограниченного доступа, как и «закрытые общества», по мнению авторов, существовал на протяжении многих веков. На самом деле различия между этими моделями значительны.

Ключевым понятием для Норта и его коллег является насилие: «Контроль над насилием – необходимое условие экономического развития. Во многих обществах потенциал насилия латентен: организации в целом воздерживаются от его использования, однако время от времени осознают, что насилие – полезное орудие для достижения их целей. Эти общества живут в тени насилия, и именно они составляют бóльшую часть

человечества во времени и пространстве».

В ПСД государство обладает монополией на потенциальное и реальное насилие. «Организованное насилие сосредоточено в военных и полицейских структурах; прочим организациям не разрешено применять насилие». По мере своего «созревания» ПОД могут перерасти в ПСД, результатом этого будет: снижение насилия, более предсказуемая система правоприменения, рост доходов, повышение уровня здоровья, уменьшение неравенства, расширение политического участия.

Судя по этому перечню, перерастание ПОД в ПСД в России еще не начиналось, если не считать роста доходов.

«В ПОД часто бывают эпизодические кризисы и случаи регресса и попятного движения, – продолжают авторы, – как это произошло в Чили в 1970-х годах, в Бангладеш в 2007–2009 гг., в Венесуэле и *России начиная с 1990-х годов* » (выделено мной). Но если ПОД перерождается в ПСД, это происходит довольно быстро (под словом «быстро» авторы имеют в виду срок около 50 лет, так что, говоря словами Некрасова, «жить в эту пору прекрасную уж не придется ни мне, ни тебе»).

Чего *не* надо делать, чтобы ускорить переход? Норт с соавторами дают однозначный ответ, основанный на их опыте работы со странами третьего мира: не надо пытаться механически переносить институты ПСД в ПОД. Эти институты в контексте ограниченного доступа работают иначе и дают другие результаты. Формулировки законов, заимствованных в ПОД, часто «выглядят как копии таких же правил в обществах с открытым доступом. Но применение и принуждение к соблюдению этих законов и программ в коррумпированных судах *превращает их в дополнительный источник бенефиций для „своих“* » (выделено мной). Здесь, как видим, авторы отвергают тезис Поппера о необходимости заимствования Россией одной из утвердившихся на Западе правовых систем.

Теория Дугласа Норта и его соавторов – пример «потом-западничества», причем в его самом медленном варианте. «Главная задача развития, – считают они, – понять, как можно добиваться улучшений в рамках ограниченного доступа. Для повышения уровня жизни людей это дает больше, чем переход к режиму открытого доступа, так как их доходы пропорционально растут, а случаев насилия становится меньше. Попытка проскочить эти стадии и сосредоточиться на переходе от ограниченного к открытому доступу, скорее всего, будет безуспешной <…> Открытый доступ не будет достигнут за один день, *а современная демократия и экономическое развитие вряд ли станут результатом этих революционных битв* » (выделено

мной).

Как можно соотнести идеи Норта и соавторов с развитием архитектуры? Если принять тезис о том, что переход от ПОД к ПСД осуществляется только медленно, то придется более осторожно отнестись к приглашению западных экспертов для решения российских проблем, скажем проблемы транспорта Москвы. Дело не в том, что иностранный эксперт не в состоянии разобраться в этой проблеме (хороший эксперт в состоянии), а в том, что лица, ответственные за принятие решений, могут просто не понять концептуальн(ый)ого языка, на котором будут изложены рекомендации эксперта. Иными словами, приглашать экспертов необходимо, но, во-первых, надо избегать решений типа «давайте превратим Москву в Нью-Йорк (Ванкувер, Гонконг)», а во-вторых, каждый набор экспертных рекомендаций должен быть переведен на язык, понятный тем, кто принимает решения.

7. Историк Александр Янов родился в Одессе. Окончил исторический факультет МГУ. Печатался в «Новом мире», «Вопросах литературы», «Вопросах философии» и «Молодом коммунисте». Покинул СССР в октябре 1974 года под давлением КГБ. Преподавал в американских университетах. Доктор исторических наук. Опубликовал больше 1400 статей на многих языках и 22 книги в пяти странах.

Его рукопись «Происхождение автократии. Иван Грозный в русской истории» ходила в самиздате в 1970-х. Я ее прочел, когда писал свою диссертацию, и она оказала на меня большое влияние. Насколько мне известно, именно Янов первым описал чередование периодов реформации и контрреформации в русской истории. Это описание содержится во многих его книгах, в сокращенном виде оно выглядит так: «Условия, в которых рождалась в XV–XVI веках московская государственность, принципиально друг другу противоречили. С одной стороны, под влиянием своей прародительницы, варяжской Киевско-Новгородской Руси начиналась она как вполне европейская, т. е не самодержавная, не деспотическая. Конечно, авторитарная, как все современные ей европейские державы, и, конечно, отсталая (все-таки потеряла больше двух столетий под варварским игом), но в принципе не очень отличавшаяся от своих североевропейских соседей. Чтоб было понятней, напоминала она вначале то, что я сейчас называю либеральным авторитаризмом. Не зря же после каждого отката она неизменно на протяжении столетий возвращается именно к этой форме государственности.

С другой стороны, однако, рождающаяся московская государственность несла в себе целый букет потенциальной

„порчи“: византийское влияние, наследие ордынского беспредела, главным в котором было то, что я называю „Ордынским синдромом РПЦ“, т. е. беспрецедентное богатство и могущество фаворитки завоевателей – церкви, сорвавшей нормальную для Северной Европы церковную Реформацию, – имперский соблазн, открытая граница в Северной Евразии. Наконец, умопомрачительная величина территории, которую так легко оказалось спутать с величием. Ничего этого не было у соседей, и все это сошлось в Московском государстве.

Вот эта „порча“, воплощенная в реакционных социальных стратах, в церкви, в дворянстве, в „номенклатуре“, наконец, всякий раз и отбрасывала Россию назад, едва она пыталась продвинуться дальше либерального авторитаризма. Отсюда повторяющиеся откаты (в жесткий авторитаризм, в контрреформы, в распад страны). Две души в душе одной. Или, если хотите, „испорченная Европа“» [5] .

Каков же путь к починке «испорченной Европы»? Для начала, считает Янов, нужна помощь Европы «не испорченной». Дело оппозиции в России не безнадежно, пишет он, «первоначальный (но решающий, способный напрочь расколоть элиту режима) толчок должен прийти извне. Остальное она доделает сама». Совершила же Россия Великую реформу середины XIX века – после Крымской войны. Свергла же четырехсотлетнее самодержавие – после поражения в мировой бойне. Добила же советского монстра – после рейгановских першингов: «Всего лишь финансовое расследование требуется. Потому что если есть у Путина ахиллесова пята, то она именно в том „Политбюро“, точнее, в активах этой единственной сегодня группы давления, способной вынудить его сесть за тот самый „круглый стол“, которого безуспешно добивались „рассерженные горожане“ зимой 2011-го».

Янов – наиболее последовательный представитель «уже-западничества». Его главные оппоненты – отрицательные самобытники, которых он называет нигилистами и к которым можно отнести Айн Рэнд и Максима Кантора, несмотря на отмеченную выше противоречивость позиции последнего. Привлекательность позиции А.Л. Янова – в его оптимизме: если Россия уже Европа, пусть даже испорченная, «ремонт» можно произвести сравнительно быстро. Уязвимая часть позиции – сама идея, которую Остап Бендер формулировал как «заграница нам поможет». Я вполне могу предположить, что не только для положительных самобытников и сторонников Путина, но и для тех, кого Янов называет либеральными националистами, идея внешнего толчка может оказаться неприемлемой.

Итоги

Никакие логические аргументы не могут доказать правильность или неправильность любого из перечисленных выше подходов. Это вопрос темперамента, профессиональной подготовки и личных склонностей. Я надеюсь, что эти теории, представленные в виде наглядной схемы, помогут читателю уточнить свою позицию. Я буду особенно благодарен тем читателям, которые противопоставят моей схеме свои собственные.

Мои личные предпочтения сводятся к следующему. Я согласен с Владимиром Вейдле, которого цитирует Кара-Мурза: различия между «своим» и «чужим» относительны. Преувеличение этих различий не конструктивно. Экстремизм и западников, и самобытников ведет в тупик. В такой же тупик, мне кажется, ведет архитектурный экстремизм – как модернистов, так и неоклассиков. Я убежден, что хорошая архитектура – это всегда и свое, и чужое.

Я не верю, что Россия навсегда обречена крутиться в колесе растекания и затвердевания, интернационализма и ксенофобии, хаоса и тоталитаризма. Хотя циклические изменения существуют практически во всех культурах, цивилизация как раз в том и состоит, что не позволяет этим изменениям доходить до крайности как в той, так и в другой фазе.

Мне чужды как большевистская идея экспорта революции, так и американская идея экспорта демократии. Тем не менее есть два принципа либеральной демократии, без которых Россия, как мне кажется, не сможет вырваться из «кармического круга» хаоса и деспотизма. Это, во-первых, отделение церкви от государства и, во-вторых, подлинное разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Идея была предложена Джоном Локком, и она оказала влияние не только на Конституцию США, но и на знаменитый «Наказ» Екатерины, так что считать, будто эта идея «чужда русскому духу», просто ошибочно.

Наконец, я считаю, что в идее «заграница нам поможет» нет ничего стыдного или порочного. В истории практически любой страны бывали периоды, когда помощь из-за границы бывала жизненно необходима. Во время американской революции это была помощь Франции, в частности маркиза Лафайета, сражавшегося за независимость Америки. Во время Второй мировой войны это была американская помощь России на сумму 11,3 миллиарда долларов (146 миллиардов по сегодняшнему курсу). И ничего – Россия устояла перед этой провокацией

Госдепа.

Не зря же и русская архитектура обогатилась усилиями иностранных архитекторов и живописцев. Кремль стал национальным символом трудами Пьетро Антонио Солари. Планировка и архитектура Петербурга до сих пор помнят Доменико Трезини. А павильон «Времена года» станет памятником московской архитектуры благодаря Ремменту Лукасу Колхасу.

Об авторе

Владимир Паперный – писатель, журналист, дизайнер, архитектурный критик. Автор книг «Культура Два» (1985, 1996, 2007, 2011), «Мос-Анджелес» (2004), «Мос-Анджелес-2» (2009), «Fuck Context?» (2011).

О «Стрелке»

Институт медиа, архитектуры и дизайна «Стрелка» – международный образовательный проект, созданный в 2009 году. Помимо постдипломной образовательной программы с преподавателями мирового уровня «Стрелка» организует публичные лекции, семинары и воркшопы, консультирует в области городского развития и издает лучшие книги по урбанистике, дизайну и архитектуре.

Примечания

1

Так было когда-то. Попав в Америку в 70-е годы, любой выпускник мехмата МГУ сразу мог претендовать на довольно большую зарплату. Сейчас реноме МГУ и других российских вузов резко упало.

2

Сознательно или бессознательно идея о связи целомудрия и земледелия пародируется в «Голубом сале» В. Сорокина в образе «секты землеебов».

3

По жанру «Учебник рисования» ближе всего к «Зияющим высотам» А. Зиновьева, с которым автора, по его словам, связывала многолетняя дружба. Обе книги относятся к жанру романа-обличения, там нет положительных героев.

4

Лефевр не пользуется терминами «внешний» и «внутренний», я их употребляю для наглядности.

5

Пользуюсь случаем поблагодарить А.Л. Янова за этот «автореферат».